

A decorative border with symmetrical floral and scrollwork patterns in a dark gray color, framing the central text.

**О себе
(Предисловие к
сборнику
рассказов)**

Курт Воннегут

SHOUT
SHARE IT

- Воннегут Курт

Воннегут Курт

О себе (Предисловие к сборнику рассказов)

Перед вами — нечто вроде памятной выставки Курта Воннегута — сборник коротких рассказов, хотя Воннегут еще совершенно живой, а я и есть этот Воннегут. Где-то существует немецкая речушка Вонна. Из нее и произошло наше чудное имя.

Пишу я с 1949 года. Я — самоучка. У меня нет никаких теорий насчет литературы, полезных для других. Когда я пишу, я просто становлюсь самим собой. А во мне шесть футов два дюйма росту, вешу я около двухсот фунтов, двигаюсь неуклюже, только плаваю хорошо. Вот вся эта, временно взятая напрокат, туша и пишет книжки. Зато в воде я прекрасен.

Мой отец и дед по отцу были архитекторами в Индианаполисе, штата Индиана, где я и родился. У деда по матери был пивной завод. Дед получил золотую медаль на парижской выставке за свое пиво, под названием «Либер лагер». Секрет состава — добавка кофе.

Мой единственный брат старше меня на восемь лет, он — известный ученый. Его специальность — физика чего-то, относящегося к облакам. Зовут его Бернارد, и он куда занятнее меня.

Помню, как он мне написал, когда его первого сына, Питера, принесли из роддома: «Теперь, — начиналось письмо, — я главным образом убираю какашки откуда ни попало».

Моя единственная сестра была старше меня на пять лет. Умерла она сорокалетней. Росту в ней тоже было больше шести футов, примерно на один ангстрем или вроде того. Красоты она была небесной, и удивительно грациозна не только в воде, но и на суше. Она была скульптором. Крестили ее «Алисой», но она всегда говорила, что никакая она не Алиса. Я соглашался. И все соглашались. Быть может, когда-нибудь, во сне, я открою, как ее звали по-настоящему.

Последние ее слова перед смертью были:

«Не надо боли». Убила ее раковая опухоль.

И теперь я понимаю, что брат с сестрой определили основные темы моих романов: «Убирать какашки откуда ни попало» и «Не надо боли». Рассказы этого сборника — образцы того, что я продавал, чтобы обеспечить себе возможность писать романы. Тут собраны, так сказать, «плоды частного предпринимательства».

Я заведовал отделом внешних сношений при «Дженерал электрик», а потом стал свободным художником — поставлял так называемое «легкое чтиво», главным образом — научную фантастику. Вырос ли я морально, сменив профессию, я сказать не решаюсь. Об этом, как и о многом другом, я спрошу господ бога на страшном суде — кстати, там же узнаю, как по-настоящему звали мою сестру.

Вполне возможно, что это случится, например, в будущую среду.

Однажды я задал вопрос о своем моральном перерождении некоему профессору университета, который, садясь в свой «мерседес-бенц-300», уверял меня, что и служащие всяких отделов внешних сношений, и авторы легкого чтива — одинаковая пакость: и те и другие искажают истину за деньги.

Я спросил его — что он считает самым низким сортом литературы, и он сказал: «Научную фантастику». Я спросил — куда он тал спешит, и узнал, что он должен попасть на сверхскоростной самолет. Он собирался назавтра выступить на симпозиуме Лингвистической ассоциации в Гонолулу. До Гонолулу было три тысячи миль.

Моя сестра курила слишком много. Мой отец курил слишком много. Моя мать слишком много курила. Я курю слишком много. Мой брат тоже курил слишком много, а потом бросил, что было чудом, вроде евангельского чуда о хлебах и рыбах.

Как-то в гостях, на коктейле, ко мне подошла хорошенькая девушка и спросила:

— Чем вы теперь занимаетесь?

— Самоубиваюсь сигаретами, — сказал я.

Ей показалось, что это очень остроумно. А мне — нет Я подумал — как гадко презирать жизнь настолько, чтобы непрестанно сосать канцерогенные штучки. Курю я «полл-молл» Настоящие самоубийцы говорят — «полл-молл» Дилетанты называют этот сорт «пэль-мэль».

Один мой родственник втайне пишет историю некоторых членов нашей семьи. Кое-что он мне показывал, а про моего деда-архитектора сказал: «Он умер лет в сорок с чем-то и, по-моему, рад был избавиться от всего этого» Под «всем этим» он, как видно, подразумевай жизнь в Индианаполисе. Такой страх перед жизнью иногда копошится и во мне.

Наши деятели здравоохранения никогда не говорят, по какой причине множество американцев курит без удержу. А причина в том, что курение — вполне надежный и вполне пристойный способ самоубийства.

Стыд и позор, что мне иногда тоже хотелось уйти «от всего

этого», но теперь больше не хочется. У меня шестеро детей — трое мои собственных, трое от покойной сестры. Дети замечательные. Мой первый брак оказался удачным, и до сих пор очень удачен. Моя жена все еще красивая.

Впрочем, некрасивых жен у писателей не бывает — я таких не встречал.

В честь своего удачного брака я включил в этот сборник тошнотворно-сладкую любовную историю из «Женского журнала», где ее озаглавили — бог им прости! «Длинный путь в Навсегда». По-моему, сам я назвал это? рассказ «Кой черт с ней справится?» В рассказике описана прогулка с моей будущей женой. стыдно, стыдно, что в моей жизни бывали ситуации прямо из женского журнальчика.

В «Нью-Йоркере» про мой роман «Благослови вас бог, мистер Роузуотер» написали, что это — сплошное самовлюбленное подхикивание. А вдруг и эта книжка такая? Тогда уж пусть читатель, для ясности, вообразит меня в виде американской девицы с олеографии, которая стоит на коленях, в ночной рубашке, у ручья и не то смотрит на рыбок, не то любит собственным отражением.

Курт Воннегут